

УДК 168.522

DOI: 10.17223/1998863X/53/10

Д.Л. Шкарин, Е.В. Шелестюк

КАЧЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Анализируются вопросы трансформации социального субъекта современности в связке с макросоциальными процессами. Авторы выделяют ряд измерений, в которых определяются качественные особенности современного общества, обращаются к теоретико-методологическим основаниям самой парадигмы субъекта внутри социально-философского дискурса, определяют специфические трансформации в проекции на социальный субъект. Задаются теоретические основания для проектирования траектории социального субъекта в современном мире и наполнения конкретным содержанием процессов его социализации.

Ключевые слова: трансформация социального субъекта, постсовременность, субъектная парадигма, текучая современность, неопределенность, субъективация, процессуальные модели индивидуации, самоопределение социального субъекта.

Введение

На сегодняшнем этапе развития социогуманитарного знания все чаще звучит вопрос о необходимости выработки единых нормативных представлений о социальном субъекте современности и определения границ его трансформации, связанных как со стремительным изменением системы общественных отношений, так и с парадигматическими сдвигами внутри самих социогуманитарных наук, что связывается и с практическим поворотом и актуализацией новых форм междисциплинарного и трансдисциплинарного взаимодействия. Задача данной статьи – систематизация имеющихся и выработка новых общетеоретических и методологических ориентиров при изучении социального субъекта в этих условиях.

Характеристики современного общества в проекции на социальный субъект

При рассмотрении вопроса трансформации социального субъекта современности социальному исследователю полезен постоянный учет динамики общесистемных изменений современного общества. В рамках теоретического анализа мы обнаруживаем общую закономерность: системные изменения не поддаются описанию в рамках единой структурной схемы, что, в свою очередь, также рекурсивно характеризует состояние амбивалентности как одну из отличительных черт современности. Вместе с тем исследование не может не быть системным, поэтому оптимальным становится подход, который можно обозначить как индуктивный и полипарадигмальный. Мы группируем важнейшие характеристики общественных изменений с учетом сложного характера их взаимообусловленности и многозначности внутренних связей. Поскольку в центре нашего исследования находится непосредственно социальный субъект, то и выделяемые характеристики общества нас интересуют не сами по себе, а в проекции на ситуацию социального субъекта.

В табл. 1 представим наиболее актуальные, на наш взгляд, на сегодняшний день теории современного общества с ситуацией субъекта и дадим краткое описание проблемных зон, касающихся его полноценного развития и жизнедеятельности.

Таблица 1. Актуальные теории современного общества

Характеристики современного общества	Актуальные проблемы и задачи социального субъекта
1. Глобальное общество / Общество, взаимосвязанное и взаимозависимое на всем мировом пространстве, предполагающее экспансивную социокультурную унификацию, превосходящую специфику национальных государств	Утрата традиционных способов идентификации социального субъекта. Необходимость выработки новых форм социальной идентификации без опоры на традиционные нормативные модели и готовые образцы. Внедрение наднациональных унифицированных принципов, образцов и моделей социального поведения и социальной идентификации (центрация «толерантности», диктат меньшинств, ЛГБТ, феминизма, экологизма и т.д.)
А.В. Бузгалин, И. Валлерстайн, Дж. Гэлбрейт, Э. Гидденс, В.И. Иноземцев, Н.С. Розов, Д. Стиглиц	
2. Либеральное общество, демократия / Общество на квазилиберальных и государство на декларативно демократических принципах. Институциональный контроль. Управление однотипным дискурсом и нарративом	Каждый имеет право быть многообразно оригинальным в своих убеждениях и поведении, не мешающих глобальной повестке. Однако существует жесткая матрица существования, принуждение созданием определенных социально-экономических условий и культурно-идеологических правил
Т. Харви, Б. Бэрри, М. Олсен	
3. Общество «конструирования общественного мнения» / Общество, тотально влияющее через СМИ на общественное мнение, конструирующее его (как согласие, так и несогласие). Изменение общественного мнения в соответствии с глобальными целями. Конструирование убеждений и взглядов, вкусов, мод, субкультур	Куль и диктатура популярности, насилие над вкусами и пристрастиями. При этом популярные образцы могут быть не только конформистскими и банальными, но и оскорбляющими базовые ценности и даже инстинкты / рефлексy. Поощрение маргинализма, центрация маргинальных идей и групп, раздвижение и сужение «окон» приемлемого
О. Бойд-Барретт, А. Маттеларт, Б. Багдикян, Р.У. МакЧесни, Дж. Овертон, Э.С. Херман, Н. Хомский	
4. Индивидуализированное общество / Общество, характеризующееся распадом традиционных иерархических социальных связей и рассыпающееся на множество атомизированных социальных субъектов	«Одиночество в толпе», социальная незащищенность. Необходимость самоопределения, самоидентификации и проектирования жизненного пути в автономном режиме
З. Бауман, Л. Дюмон, Д. Сеннет, Ж. Липовецки, К. Лэш, А. Рено	
5. Общество риска / Децентрализованное общество с высокой степенью функциональной дифференциации при тотальной взаимосвязи всех своих подсистем. Техноэкологические риски, напрямую сопряженные с возможностью антропологической катастрофы	Короткий горизонт временного планирования, замкнутость на актуальный момент при непрерывных трансформациях внешних условий существования. Необходимость выбора сценария развития, планирования и рационального просчета последствий принимаемых решений в ситуации высокой неопределенности
У. Бек, Г. Бехманн, Э. Гидденс, В.А. Кутырев, Н. Луман, А.П. Назаретян	
6. Общество постмодерна / Децентрация, множественность и фрагментация картин мира, кризис репрезентативных моделей и переход к чистой игре означающих (автономия кода), уравнивая симуляция реальности, экспансия виртуального (гиперреальность)	Погруженность субъекта в мозаичную, релятивистскую, эклектичную и непрерывно трансформирующую культурную среду. «Смерть субъекта» как потеря центра автономии в самом себе, утрата самоотжественности. Необходимость непрерывной индивидуации
Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон, Ж. Лиотар, Р. Рорти, Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн, А. Энциони	
7. Технократическое / Постиндустриальное общество / Общество с высоким уровнем научно-технологического развития, предполагающее высокую степень автоматизации производства и интенсивное развитие сферы коммуникационных услуг. Расцвет идеологий трансгуманизма и футурологии	Взаимовозрастающие технозависимость и техноотчуждение субъекта. В социальном аспекте – вытеснение «живого труда», высвобождение рабочих мест. Необходимость включенности субъекта в роли «пользователя» в техносреду, обусловленную задаваемыми извне рамками поведения в ней
Д. Белл, Д. Гэлбрейт, В.Л. Иноземцев, Б.Ю. Кагарлицкий, А. Кумарасвами, Д. Нэбит, Э. Тоффлер	

Характеристики современного общества	Актуальные проблемы и задачи социального субъекта
8. Информационное общество / Общество, характеризующееся интенсивным развитием информационных и коммуникационных технологий: тотальная компьютеризация, мобильная связь, Интернет, технологии виртуальной реальности, биометрия, тотальная криптографическая учетность, большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект	Информатизация всех сфер жизни субъекта: цифровые рынки, электронные деньги, электронное правительство, виртуальные офисы, дистанционное образование, сетевое общение, анонимные коммуникации, система личной цифровой кодификации. Необходимость формирования виртуальной идентичности, доступность и открытость социального субъекта, подверженность тотальной сетевой обусловленности поведения
Н. Винер, М. Кастельс, Р. Курцвейл, Д. Ланьер, М. Маклюэн, И. Масуда, Т. Стоуньер	
9. Неолиберальное общество / Тотальная экспансия экономических принципов во все сферы социального бытия: образование, культуру, медицину, семью, досуг, политику. Общество, построенное на принципах повсеместной конкуренции, рыночной экономики с минимизацией роли государственного регулирования. Социальное неравенство	Тотальная конкуренция. Невозможность субъектного управления системными процессами. Отсутствие социальных гарантий и рост социального отчуждения. Необходимость развития форм субъектности на основе параметров, задаваемых извне корпоративными университетами и транснациональными корпорациями, появление феномена счетной «бухгалтерской субъектности»
Л. Болтански, К. Лаваль, Л. Мизес, Т. Пикетти, К. Поппер, М. Фридман, М. Фуко, Ф. Хайек, Т. Харви	
10. Посткапиталистическое общество / Общество, в котором возникают независимые источники экономической активности в противовес традиционным схемам движения труда и капитала: рост самозанятого населения, обменная (шеринговая) экономика, появление нового класса – прекариата, отход от трудовых контрактов, географической привязки и государственных границ ведения бизнеса	Ослабление значения профессиональной идентификации и ее роли в личностном развитии. Соответственное повышение значимости сфер потребления, развлечения. Риски девиантности, криминализации, маргинализации, «дауншифтинга»
П. Вирно, К. Лаваль, П. Мейсон, А. Негри, Г. Стендинг	
11. Общество потребления / Общество, наделяющее процесс потребления высокой социальной значимостью. Потребление выступает как важнейший структурный компонент капиталистического производства, одновременно потребление превращается в самостоятельный процесс производства системы социальных различий (код стендинга потребителя)	Товарный фетишизм, консюмеризм, культ популярности, гламура. Потеря независимости, жизнь в кредит, подверженность тиражируемым схемам поведения. Поглощение «товарной формой» практически всех аспектов бытия человека и в конечном счете превращение самого субъекта в товар
Ж. Бодрийяр, Д. Гэлбрейт, Ф. Джеймисон, В.И. Ильин, А.О. Ланцев	
12. Массовое общество / Общество, предполагающее ослабление значения классовых разделений и появление новых видов унифицированных социальных субъектов: массовый человек, множества, сообщества, масса. Бурное развитие массовой в противовес духовной культуре	Моральное, культурное и интеллектуальное усреднение человека. Нивелирование духовных ценностей. Подверженность воздействию пропаганды, моды, конъюнктуры. Необходимость духовной самореализации не благодаря, а вопреки условиям среды, наполненной стандартами массовой культуры
Т. Адорно, Г. Дебор, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, М. Хорхаймер	
13. Сетевое общество / Общество с преобладанием горизонтальных социальных связей над вертикальными, подвижное, децентрализованное и легко трансформирующееся в рамках динамических социальных сообществ	Преобладание горизонтальных изменчивых связей, включенность субъекта в многообразные изменчивые сообщества. Необходимость учета трансверсальных связей. Формирование субъекта-номады
А. Бард, Д. Болл, Б. Веллмен, Ян ван Дейк, Я. Зодерквист, М. Кастельс, М. Турофф, Р. Хилц	
14. Общество контроля / Общество, характеризующееся переходом (в противовес дисциплинарным обществам) к тотальному внутреннему и внешнему контролю над населением, абсолютная кодификация поведения, стандартизация общественных норм	Принципиальная открытость, доступность наблюдения всех сфер жизни личности, сужение сферы приватного и заполнение внутреннего пространства формами интериоризированного контроля. Необходимость поддержания соответствия внешним стандартам
Ж. Агамбен, Ф. Гваттари, Ж. Делез, М. Фуко	

Выделенные характеристики общества, с одной стороны, отвечают популярным дескрипциям современности в работах социальных теоретиков конца прошлого, начала этого века, но привязаны к отдельным содержательным аспектам социальной действительности, что делает набор излишне эмпиричным в метатеоретическом смысле и сталкивает между собой гетерогенные методологии (позитивизм, марксизм, постмодернизм, хотя и постмодернизм уже сам по себе изначально разнороден, синергетика и т.д.). При этом ни одна из позиций не может доминировать как объяснительный принцип, если только мы не займем устойчивую позицию в каком-либо из метанарративов в лиотаровском смысле [1]. По сути, внутри европейского менталитета выделяется прежде всего три метанарратива: в интерпретации Джанни Ваттимо это будет теологический метанарратив, соответствующий консервативной идеологии и представленный в традиционном или традиционалистском (понятом в терминологии Ваттимо как архаизм) дискурсах; модернистский метанарратив, соответствующий идеологиям модерна и представленный в прогрессивистском дискурсе; третий же метанарратив – неизвестная переменная, являющаяся предметом современных споров в поле постпостмодернистских фрагментарных синтезов на месте распавшихся метанарративов [2]¹. В то же время и сам дискурс постмодерна, являясь определенной локальной исторической позицией, сущностно привязанной к процессу деконструкции модернистских принципов, не может представлять из себя самостоятельной перспективы (являя собой лишь пост-).

Большинство дескрипций раскрывается социальными теоретиками через логику противопоставления между собой крайних полюсов бинарных оппозиций: холистическое–индивидуализированное, традиционное–секулярное, иерархическое–сетевое (плюрархическое) и т.п. При этом полюса далеки от симметрии, так как второй член оппозиции, как правило, характеризуется утратой определенного системного качества, тем самым обнаруживая свое вторичное значение. К примеру, секулярность современного мира немислима без удержания в фокусе внимания утерянного измерения сакральности, а индивидуализированное общество понимается как распад целостных социальных систем на разрозненные атомизированные части, которые так и не обрели своего конструктивного самообоснования в онтологии субъекта, что и порождает в конечном итоге постоянный подрыв субъектной парадигмы, сопровождающий социальную философию на протяжении двух последних столетий. И даже развернутые линейные протяжки (премодерн–модерн–постмодерн, доиндустриальное–индустриальное–постиндустриальное и т.п.) так или иначе содержат в себе логику ассиметричного бинарного противопоставления.

Тем не менее такой тип анализа позволяет фиксировать в проекции на субъект общие сущностные сдвиги, находящие соответствующее подтверждение в проблематике практически всех социогуманитарных дискурсов: философском, культурологическом, антропологическом, политологическом, социологическом, психологическом и т.д. Не впадая в тенденциозность сверхобобщений, мы можем все же констатировать устойчивые частотные проблемные связки: кризис традиционных видов идентичности, атомизацию, расщепление и распад привычных социальных связностей, потерю управляемости как на системном,

¹ При этом, заметим, разумеется, присутствуют и традиционные формационно-экономико-центричные метанарративы (Т. Пикетти, левых, правых).

так и на индивидуальном уровне (что является наиболее травмирующим фактором в контексте «классического субъекта нового времени»), массовую унификацию и усреднение субъекта при возрастающем многообразии сообществ.

Как видно по некоторым взаимоисключающим тенденциям, например требование автономии и невозможность автономии, требование учета рисков и невозможность учета рисков, они порождают условия для невротизации и стресса социального субъекта. Предельная парадоксальная форма противоречия – требование быть субъектом при запрете быть субъектом. Популярный в дискурсе постмодерна термин «смерть субъекта» является своеобразной метафорической квинтэссенцией происшедшей эволюции социального субъекта, хотя даже в этом образе мы не найдем единого основания, поскольку он имеет собирательную природу, объединяя разнообразные методологические, эпистемологические, культурологические и онтологические коннотации.

Завершая данный блок, мы затронем еще один аспект изменений современного общества. Речь идет как раз о попытках выделения эмерджентных свойств современности. Так, например, в приведенном выше перечне характеристика «общество риска» несводима к каким-либо локальным подсистемам общества, являясь в большей степени результирующим системным эффектом. Если придерживаться этой логики, то, на наш взгляд, перспективной для описания реалий современного общества выступает связка признаков, схваченных популярным акронимом VUCA, который получил распространение в 90-е гг. XX в. Авторство термина принадлежит американскому полковнику Стефану Гарросу, и первичное распространение акроним получил в военных колледжах США для характеристики военно-политической ситуации, находящейся в переходном состоянии перманентной турбулентности. Натан Беннет, профессор колледжа Робинсона при Университете штата Джорджия, и ряд близких исследователей адаптируют термин к широкому классу социальных явлений [3].

Сейчас акроним органично вписывается в самые разнообразные контексты социальных наук: от динамики распространения эпидемий до поведения фондовых бирж, находит свое инструментальное приложение во многих сферах социальной деятельности: от разработки военных стратегий до концепций развития бизнеса и реформирования системы образования. Аббревиатура VUCA традиционно соотносится с аббревиатурой SPOD [Там же], в результате чего мы имеем четыре сбалансированные в плане симметрии бинарные оппозиции при описании системных эффектов общества (табл. 2).

Таблица 2. Происхождения аббревиатур VUCA и SPOD

VUCA	SPOD
Volatility (волатильность)	Steady (устойчивый)
Uncertainty (неопределенность)	Predictable (предсказуемый)
Complexity (сложность)	Ordinary (простой)
Ambiguity (амбивалентность)	Definity (определенный)

Данный разворот, на наш взгляд, органично дополняет картину современного общества, поскольку, предельно абстрагируясь от содержательного контекста социальных изменений, служащих общим предметным фоном, позволяет непосредственно приблизиться к содержанию трансформаций самого социального субъекта, вынуждаемого соответствовать параметрам постоянно меняющейся среды. В этой перспективе характеристики VUCA в

проекции на субъект предъявляют специфические требования к его компетенциям, способам адаптации к среде и механизмам развития. Этому вопросу мы и посвятим следующий содержательный блок.

Трансформация социального субъекта современности: теоретико-методологические подходы

Чтобы говорить о трансформациях социального субъекта современности, нам необходимо было бы определить систему координат, в пространстве которой можно фиксировать эти изменения и которая способна задать как точку отсчета, так и перспективу их рассмотрения. В то же время как раз именно эта задача и представляет наибольшую трудность в социальной философии субъекта, поскольку самоопределение субъекта входит в основные процессы субъективации (именно приставка само- и составляет сущностную специфику всех процессов субъективации – от самоидентификации до самопроектирования и самореализации). Соответственно, практически невозможно абстрагировать друг от друга процессы изменения субъекта и изменений представлений о субъекте. Более того, эта связка становится основополагающей, когда мы переходим к вопросу о субъектных практиках, где представление о субъекте является регулирующим принципом самотрансформации.

Историчность возникновения представления о субъекте неоднократно подчеркивал в своих исследованиях по генеалогии субъекта Мишель Фуко [4], наиболее отчетливо представивший в XX в. всю полноту проблематики – от смерти субъекта до практик / технологий себя. В этом плане мы считаем целесообразным в качестве ориентиров держать две точки привязки. Первая связана с концепциями субъекта, явившимися основаниями проекта модерн и одновременно обусловленными им в качестве репрезентативных моделей «классического субъекта» и их проблематизацией на всем протяжении нового времени. Вторая точка привязки связана с итогами сворачивания проекта модерн, где ключевым явился характерный для постмодерна вопрос «кто приходит после субъекта». Именно ответ на этот вопрос и является конституирующим в текущей современности или текущей вне-современности (если удерживать жесткую включенность понятия «современность» в проект модерн). Рассмотрим последовательно обе перспективы.

Нормативные модели классического субъекта нового времени содержали в себе несколько ключевых измерений, которые, собственно, и подвергались испытанию на прочность на протяжении всей эпохи проекта модерн. Опираясь на комплексные методологические исследования Н.В. Богданович [5], мы рассматриваем ряд бинарных оппозиций, внутри которых определяется позиция субъекта и его смещения как в процессе онтологических трансформаций, так и в процессе исторического изменения представлений о нем. Скорректировав последовательность и формулировку шкал, мы выделили пять осей (табл. 3).

Таблица 3. Базовые характеристики описания субъекта

Дискретность, фрагментарность	Континуальность
Неосознаваемость	Осознанность
Множественность	Целостность
Детерминированность	Управление
Диспозиция	Позиция

Правому ряду характеристик соответствует нормативная модель классического субъекта эпохи модерн как идеал индивидуализированного или гражданского общества. Это прозрачный для себя (транспарентный), автономный, самождественный субъект нового времени, центрированный на себе и реализующий свои интересы / диспозиции в процессе взаимодействия и коммуникации с такими же автономными субъектами, участниками общественного консенсуса. Левый ряд представляет собой либо описание онтологических патологий нормативного субъекта, если рассматривать онтологию субъекта, либо эпистемологическую провокацию представления о классическом субъекте, если рассматривать философии подозрения как критические стратегии дефетишизации идеологических фикций проекта модерн.

Поскольку нас интересует прежде всего онтологический аспект трансформаций субъекта, то рассмотрим возможности применения этого подхода в онтологическом ключе. Данный подход позволяет осуществлять последовательный анализ трансформаций социального субъекта и выдвигать исследовательские гипотезы за счет наложения / проецирования характеристик общества на нормативную модель субъекта. Подобная методологическая установка реализована, к примеру, в исследованиях А.И. Ильина [6], где рассмотрены трансформации субъекта в аспекте общества постмодерн. Ильиным вводится теоретическая абстракция «субъект массовой культуры» и отслеживается характер изменений субъектных характеристик по каждой из осей. В результате выстраиваются сравнительные идеальные типы субъектов общества модерн и общества постмодерн, где в доминантную позицию становятся такие полюса, как бессознательность, фрагментарность и множественность. Аналогичную процедуру мы использовали при анализе диссоциативного расстройства идентичности, являющегося одной из актуальных патологий социального субъекта современности. В качестве гипотезы мы рассмотрели возможность влияния принципов неолиберального общества на структуру социального субъекта. Проекция показала соответствие структуры патологии множественной личности исходным принципам неолиберализма, восстановленным по программному манифесту Фридриха фон Хайека «Об индивидуализме истинном и ложном» [7]. Подобные гомологии, или изоморфизмы, отражают, на наш взгляд, не столько схемы детерминации структуры субъекта тем или иным типом общества, сколько изначальную синхронистичность и неразрывную связь процессов индивидуации на индивидуальном и трансиндивидуальном уровнях, понятых в соответствии со значением этих терминов в теории индивидуации Симондона, оказывающей, пусть и с опозданием, но значительное влияние на современную философию субъекта в плане его (субъекта) радикального перепрочтения в процессуальном ключе [8–10]. И именно в этом пункте мы выходим из собственного парадигмального поля проекта модерн.

Обратимся ко второй перспективе анализа трансформации социального субъекта, связанной с точкой привязки к концептуальному вопросу постмодерна «кто приходит после субъекта». В отличие от описанной выше логики сопоставления нормативных моделей субъекта и качественных трансформаций общества, вторая стратегия предполагает пересмотр самой субъектной парадигмы, как она была эксплицирована в проекте модерн, хотя имплицитно сопровождала пути европейской философии с античности. Неслучайно именно с диалога Платона «Алкивиад-1» М. Фуко [4] начинается свои генеалогические исследования европейского субъекта.

Чтобы отчетливей очертить смену методологической перспективы, мы могли бы для примера обратиться к знаковой концептуальной статье Кристины Штекль «Сообщество после субъекта» [11], в которой она на стыке тысячелетий подводит своеобразный итог дискурсам о субъекте, чтобы наметить возможные траектории дальнейшей философской судьбы данного концепта. Для нас эта статья представляет двойной интерес, поскольку не только затрагивает внутриевропейский дискурс о субъекте, но и включает в диалог голоса отечественной философии, сопоставляя в частности течения русской религиозной философии XX в. Широкими мазками Штекль разводит холистический и индивидуалистический дискурсы, соответствующие идеологиям коммуитаризма и либерализма с вариациями, но, естественно, эти тропы уже не представляют особого интереса, так как «от и до» укоренены в проекте модерн и полностью укладываются в логику проведенного выше анализа. Перспективы дальнейшего развития концепта «субъект» Штекль связывает с развитием некоторых линий, наметившихся внутри постмодернистских поисков. Кристаллизуя логику этого размышления, можно было бы сказать, что здесь противопоставляются эссенциалистское / субстанциональное прочтение субъекта (центральная линия европейской философии с античности до позднего модерна вне зависимости от внутренней диспозиции методологического холизма и индивидуализма) и варианты неэссенциалистского прочтения субъекта, намечаемые в маргинализованных сопутствующих линиях философии на протяжении указанного времени.

В частности, в европейском постмодерне попытки радикального отказа от сущностной парадигмы прослеживаются в концепциях Ж. Симондона, Ф. Гваттари, Ж. Делеза [12], где различие форма–материя, уступает место различию материя–сила. Соответственно меняется и сам способ осмысления процесса субъективации, поскольку теперь процесс индивидуации трактуется не как телеологическое стремление к устойчивым формам, а как непрерывный процесс индивидуации, как способ постоянной актуализации потенциалов метастабильных систем. «Если подобного рода обратная перспектива стала возможной, то исключительно благодаря понятию метаустойчивого равновесия, позволяющего мыслить бытие не в качестве субстанции или материи, а как напряженную (*tendu*) и сверхнасыщенную (*hypersaturé*) систему. Симондон представляет физическую индивидуацию и индивидуацию в мире живого как разложение метаустойчивой системы, с той разницей, что в физическом мире индивидуация происходит „быстро, внезапно, квантифицированно и окончательно, образуя в результате двойственность среды и индивида“, а „в мире живого сохраняется перманентная индивидуация“. Именно подобный характер индивидуации в мире живого позволяет Симондону мыслить область психического и коллективного как индивидуации, следующие за индивидуацией в сфере живого» [9. С. 189]. Тем самым приоритет отдается процессуальной стороне бытия, становлению как таковому. Переписывается и способ осмысления субъекта. Субъект предстает не как монада, а как номада, изменчивая сборка, включенная в событийные потоки, поля интенсивностей.

Схожие попытки отказа от эссенциализма / субстанциализма можно усмотреть и в критике субъекта Ф. Ницше, в концепции жизненного порыва А. Бергсона, в попытке проведения онтико-онтологического различия М. Хайдеггера.

Аналогичный ход мысли мы обнаруживаем и в исследованиях по синергичной антропологии С.С. Хоружего [13], усматривающего радикально иной тип бытийной онтологии, формирующийся в рамках восточного православия, где восстанавливается в своих правах энергичная природа бытия, раскрывается живой опыт трансценденции, обожения и вхождения в «фаворский свет» как опытное открытие совершенно иного плана бытия. Радикально новые ходы обнаруживаются и в потенциологии Михаила Эпштейна [14, 15], восстанавливающего в правах концепт возможности («мочь») наряду с концептами долженствования и бытия («должно» и «есть»). Отсюда же и новое прочтение эстетического опыта.

Характерно, что и Ф. Гваттари [16] находил философские эвристики для своей концепции субъективации в работах по эстетике М. Бахтина [17], в творчестве которого эстетический объект играет особую, процессуальную роль, несводимую к игре форм, материала и композиции: «Полифония способов субъективации соответствует в действительности множественности способов „отбивать время“. Другие ритмики призваны тем самым кристаллизовать то, что я назову воплощаемыми и сингуляризируемыми ими экзистенциальными высказываниями. Сложная ритурунель – с той же стороны, что и поэтические и музыкальные ритурунели, – отмечает скрещение разнородных способов субъективации. Время долго рассматривалось как универсальная и однозначная категория, тогда как в действительности имеешь дело лишь с частными и многозначными восприятиями... Универсальное время – лишь гипотетическая проекция способов темпорализации, исходящая из показателей интенсивности – ритурунелей, – действующих сразу в регистрах биологических, социокультурных, машинных, космических и т.д.» [16. С. 157–158].

Отметим также, что общей сущностной характерной чертой, объединяющей попытки выйти за рамки эссенциальной парадигмы, у всех перечисленных философов является обращение к концепту времени (темпоральности), понимаемому не как подчиненная характеристика опространствовленного бытия, а как его внутренняя основа. Отсюда и особый категорийный аппарат, придающий особенное значение категориям становления: «ритурунели» (специфичные режимы существования) у Ф. Гваттари [Там же]; особое значение ритма и хронотопа в художественных и жизненных практиках у М. Бахтина [17]; экстатический опыт постижения концепта «вечное возвращение того же самого» Ф. Ницше как опыт переживания интенсивности становления, недостижимый в пространственной метафоре; конкретное время как живой жизненный поток у А. Бергсона; рассмотрение проявленного, материального плана бытия как управляемого особой реальностью ритмовремени в системе Е.Д. Марченко [18]. Список можно продолжать вплоть до метафоры техники как машины по производству времени, разворачивающейся на основе эвристики Ж. Симондона [12] и т.п. Таким образом, переворачивание классического отношения, подспудно задававшего установку на подчиненную позицию категории времени (пространственное представление времени), смыкается именно с новым способом прочтения субъекта: «Овладеть временем и научиться им пользоваться – становится сейчас жизненно необходимым. Тем более, что без времени не может полноценно существовать ни одна материальная система и мыслящая структура» [18. С. 142].

После эскизной обрисовки новых перспектив, отличных от центральной перспективы проекта модерн, вновь обратимся к характеристикам современного общества, выделенным нами в первом блоке. Мы уже обозначили качественные характеристики VUCA: волатильность, неопределенность, сложность и амбивалентность. При этом мы обратили внимание на то, что данный перечень в меньшей степени апеллирует к формальному содержанию общественных изменений, а в большей степени отражает результирующие системные эффекты. Теперь же мы можем акцентировать именно процессуальность выделенных категорий, что для нас представляет особенную методологическую ценность в свете только что отмеченной проблематизации субъектной парадигмы.

Важные аналогии мы находим и в методологических работах Я.И. Свирского [10], посвященных концепту «сложность» (преломление понятия «сложность» в синергетическом дискурсе). Рассматривая эти парадигмальные сдвиги концепции субъекта в исследованиях Симондона, Гваттари, Делеза, Свирский одновременно обращает свой взгляд и на синергетические теории, где особое значение придается понятиям динамического равновесия, устойчивого хаоса, точек бифуркации, флуктуациям и подобным динамическим терминам. Обобщая эти установки, он предлагает различать концепт «сложность» как включенный в модернистскую геометрическую картину мира, построенную преимущественно на отношениях формального сочленения часть–целое, и концепт «сложность», который в большей степени отражает процессуальные аспекты индивидуации в постоянно меняющейся среде, где все участники со-бытия синхронно резонируют друг с другом. Этот тип отношений отличен от механической сборки, он точнее схватывается в понятиях живого роста: кристалла, белка, организма, со-общества в ассоциированных средах.

Если мы спроецируем характеристики социума на социальный субъект именно в этой перспективе, то и трансформация социального субъекта предстанет в ином свете. Характеристики субъекта нам придется искать не в семантическом поле устойчивости и пребывания: целостность, завершенность, детерминированность, осознанность, континуальность, а в ином семантическом поле изменчивости и становления: флексибельность, трансверсальность, резонансность, прерывистость, разомкнутость, интуиция. Поскольку в задачи данной статьи не входит развернутый анализ самих категорий, входящих внутрь этого понятийного поля, мы отсылаем к соответствующим исследованиям [19–22]. Но и первичного сопоставления достаточно, чтобы найти точные соответствия характеристикам среды и актуальным качествам субъекта, представленным в работах современных философов, социологов и психологов (табл. 4).

Таблица 4. Сопоставления характеристик среды и субъекта

Характеристики среды VUCA	Характеристики субъекта
Volatility (волатильность)	Флексибельность как интегральное свойство динамичности и гибкость поведения
Uncertainty (неопределенность)	Открытость, резонансность, интуиция
Complexity (сложность)	Ультрарациональность как способность сочетать логику с интуицией при анализе трансформирующихся систем
Ambignity (амбивалентность)	Трансверсальность как способность выстраивать диалог за рамками дисциплинарных дискурсов

Заключение

Подводя итоги, мы могли бы сделать следующие обобщения. Во-первых, прослеживая связь общественных изменений и трансформаций социального субъекта, мы обнаруживаем, что основным ведущим трендом является исчезновение оснований для качественного самоопределения субъекта в социальной ситуации. Отсюда вытекают и различные формы «кризиса идентичности» (от распада нормативной модели «классического субъекта нового времени» до взрывного роста новых форм идентичности), и трудности реализации собственно субъектной позиции в рамках «текущей современности». Во-вторых, мы отслеживаем, что означенные изменения неизбежно сказываются и на трансформации самой субъектной парадигмы в социально-философском дискурсе. В качестве отличительных особенностей формирования новых теоретико-методологических подходов к социальному субъекту мы выделяем смещение внимания от статичных моделей субъекта к процессуальным моделям субъективации и индивидуации, от категорий актуального к категориям потенциального, от пространственных форм представления субъекта к осмыслению форм его темпоральности. Таким образом, процесс субъективации предстает не столько как реализация в субъекте предзаданных или спроектированных форм субъектности, сколько как непрекращающийся на протяжении всей жизни процесс размыкания границ актуального и непрерывного расширения сферы потенциального.

Литература

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М. : Логос, 2002. 128 с.
3. Bennett N., Lemoine G.J. What a difference a word makes: understanding threats to performance in a vuCA world // Business Horizons. 2014. Vol. 57 (3). P. 311–317.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
5. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии. М. : РГБ, 2004. 170 с.
6. Ильин А.И. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск : Амфора, 2010. 376 с.
7. Шелестюк Е.В., Шкарин Д.Л. Диссоциативное расстройство идентичности в контексте социальной философии // Контекст и размышления: философия мира и человека. 2017. Вып. 6. С. 57–67.
8. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М. : Три квадрата, 2008. 144 с.
9. Морфино В. Лейбниц или Спиноза : современная альтернатива // История философии. 2010. № 15. С. 183–197.
10. Сви́рский Я.И. Индивидуация в сложно-организованном мире // Философский ежегодник. М. : Ин-т философии РАН, 2013. Вып. 18: Философия науки в мире сложности. С. 62–80.
11. Штекль К. Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 34–46.
12. Кучинов Е.В. Закаблукровский Е.В. Техника будущего (Симондон, Гваттари, Брайант, Стиглер) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 8 (70) С. 120–126.
13. Хоружий С.С. Проблема постчеловека или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
14. Эшптейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. 616 с.
15. Эшптейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб. : Алетейя, 2001. 336 с.

16. *Гваттари Ф.* Язык, сознание и общество (о производстве субъективности) // Ленинградские международные чтения по философии культуры. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. Кн. I. С. 152–160.
17. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
18. *Лучезарнова Е.Д.* Ритмика для события. СПб. : Ритмовзлет, 2008. 288 с.
19. *Королева Ю. А.* Флексибельность как ресурс жизнеспособности современной личности // Социальная психология и общество. 2014. № 1. С. 5–14.
20. *Кузьмин А.А.* Трансверсальный разум как базовая ценность современной культуры // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 27. С. 21–26
21. *Ожогина Ю.В.* Проблемы формирования новой культурной парадигмы развития общества // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 182–188
22. *Чужин С. Г.* В поисках утраченного единства: концепт трансверсальности у Вольфганга Вельша. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 1. С. 57–64

Dmitriy L. Shkarin, Center for the Development of Training Technologies (Yekaterinburg, Russian Federation); Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: dshkarin@mail.ru

Elena V. Shelestyuk, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: shelestiuk@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 95–107.

DOI: 10.17223/1998863X/53/10

QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE SOCIAL SUBJECT IN THE GENERAL CONTEXT OF CHANGES IN MODERN SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Keywords: transformation of social subject; post-modernity; subjective paradigm; fluid modernity; complexity; uncertainty; subjectivization; procedural models of individuation; actual and potential; self-determination of social subject.

The article deals with the transformation of the social subject of modernity in conjunction with macrosocial processes leading to qualitative theoretical and methodological changes in the paradigm of the subject within the social and philosophical discourse. The authors identify fourteen dimensions in which qualitative features of modern society are determined: globalism; quasi-liberalism, quasi-democracy; manufacturing consent; individualization; risk; postmodernity; technocracy, postindustrialism; information; neoliberalism; post-capitalism; consumerism; mass society; network society; control society. In the projection on the social subject, specific transformations are identified that determine it in the modern world, among which the authors highlight the following: flexibility as an integral property of dynamism and flexibility of behavior; openness, resonance, intuition; ultra-rationality as the ability to combine logic with intuition in the analysis of transforming systems; transversality as an ability to sharpen dialogue beyond disciplinary discourses. As the next step, the authors correlate the resulting transformations with the general theoretical and methodological discourse with the general paradigm of the subject in social philosophy. The issues raised are topical in the applied fields of sociohumanitarian knowledge since the answers to these questions set the guidelines for designing the trajectory of a social subject in the modern world and fill the process of their socialization with concrete content.

References

1. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernism]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Vattimo, G. (2002) *Prozrachnoe obshchestvo* [Transparent Society]. Translated from Italian. Moscow: Logos.
3. Bennett, N. & Lemoine, G.J. (2014) What a difference a word makes: understanding threats to performance in a vuCA world. *Business Horizons*. 57(3). pp. 311–317. DOI: 10.2139/ssrn.2406676
4. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub'ekta. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kolledzhe de Frans v 1981–1982 uch. godu* [Hermeneutics of the subject. The course of lectures delivered at the College de France in the academic year 1981–1982]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.

5. Bogdanovich, N.V. (2004) *Sub"ekt kak kategoriya otechestvennoy psikhologii* [The subject as a category of domestic psychology]. Moscow: RGB.
6. Ilin, A.I. (2010) *Sub"ekt v massovoy kul'ture sovremennogo obshchestva potrebleniya (na materiale kitsch-kul'tury)* [The subject in the mass culture of the modern consumer society (on the material of kitsch culture)]. Omsk: Amfora.
7. Shelestyuk, E.V. & Shkarin, D.L. (2017) Dissotsiativnoe rasstroystvo identichnosti v kontekste sotsial'noy filosofii [Dissociative identity disorder in the context of social philosophy]. *Kontekst i razmyshleniya: filosofiya mira i cheloveka – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 6. pp. 57–67.
8. Agamben, G. (2008) *Gryadushchee soobshchestvo* [The Coming Community]. Translated from English. Moscow: Tri kvadrata.
9. Morfino, V. (2010) Leybnits ili Spinoza: sovremennaya al'ternativa [Leibniz or Spinoza: a modern alternative]. Translated from French. *Istoriya filosofii – History of Philosophy*. 15. pp. 183–197.
10. Svirsky, Ya.I. (2013) Individuatsiya v slozhnostno-organizovannom mire [Individuation in a complex organized world]. In: Arshinov, V.I. & Svirsky, Ya.I. (eds) *Filosofiya nauki v mire slozhnosti* [Philosophy of science in a world of complexity]. Moscow: RAS. pp. 62–80.
11. Shtekl, K. (2007) Soobshchestvo posle sub"ekta. Pravoslavnaya intellektual'naya traditsiya i filosofskiy diskurs politicheskogo moderna [Community after the subject. Orthodox intellectual tradition and philosophical discourse of political modernity]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 34–46.
12. Kuchinov, E.V. & Zakablukovsky, E.V. (2016) Technology of the future (Simondon, Guattari, Bryant, Stiegler). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8(70). pp. 120–126. (In Russian).
13. Khoruzhy, S.S. (2008) The Problem of Post-Human, or Transformative Anthropology in the Light of Synergetic Anthropology. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2. pp. 10–31. (In Russian).
14. Epstein, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Project Dictionary of the Humanities]. Moscow: NLO.
15. Epstein, M. (2001) *Filosofiya vozmozhnogo. Modal'nosti v myshlenii i kul'ture* [The Philosophy of the Possible. Modalities in Thinking and Culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
16. Guattari, F. (1991) Yazyk, soznanie i obshchestvo (O proizvodstve sub"ektivnosti) [Language, consciousness and society (On the production of subjectivity)]. In: Epstein, M.N. (ed.) *Leningradskie mezhdunarodnye chteniya po filosofii kul'tury* [The Leningrad International Readings on the Philosophy of Culture]. Vol.1. Leningrad: Leningrad State University. pp. 152–160.
17. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Various Studies]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Luhezarnova, E.D. (2008) *Ritmika dlya sobyitiya* [Rhythm for an Event]. St. Petersburg: Ritmovzlet.
19. Koroleva, Yu.A. (2014) Flexibility as a Resource of Viability in Today's Individuals. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 1. pp. 5–14. (In Russian).
20. Kuzmin, A.A. (2004) Transversal'nyy razum kak bazovaya tsennost' sovremennoy kul'tury [Transversal mind as the basic value of modern culture]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 27. pp. 21–26.
21. Ozhogina, Yu.V. (2009) Problemy formirovaniya novoy kul'turnoy paradigmy razvitiya obshchestva [Problems of the formation of a new cultural paradigm for the society development]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 3. pp. 182–188.
22. Chukin, S.G. (2010) V poiskakh utrachennogo edinstva: kontsept transversal'nosti u Volfganga Vel'sha [In search of lost unity: the concept of transversality in Wolfgang Welsh]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2(1). pp. 57–64